

Н.А.Кащей

РИТОРИКА И ФИЛОЛОГИЯ

Доклад посвящен актуальной проблеме современного гуманитарного знания: взаимосвязи и разграничению предметных полей риторики и филологии. Обращение к диалогу двух древнейших связанных с языковой деятельностью дисциплин обусловлено возрождением риторики на новых социальных, теоретических и философских основаниях, а также с ее претензией выступать методологией исследования не только языкознания, но и гуманитарных наук в целом, и тем самым отвечать за характер формирования современной коммуникации и общественного сознания. Автор занимает следующую позицию: поместив риторику между социальной технологией и теорией общества, мы можем обнаружить, что риторика выступает не только руководством по организации эффективной коммуникации или теорией языкового воздействия на аудиторию, но и в качестве метода познания действительности и выявления критериев разумности совершаемых действий, а это, в свою очередь, открывает новые перспективы межпредметного взаимодействия риторики и филологии.

Ключевые слова: риторика, нериторика, филология, лингвистика, теория словесности, теория коммуникации

Актуальность исследования отношения предметных полей риторики и филологии определяется не только социальной значимостью современной риторики и филологии в жизни общества, но и той познавательной ситуацией, которая складывается в сфере как риторического знания, так и филологического. С одной стороны, с появлением новой риторики, начиная с середины прошлого века, возникает понимание риторики в трёх основных значениях: в прикладном как языковой практики (ораторское искусство, развитие индивидуальных речевых способностей для максимально убедительного воздействия на аудиторию); в теоретическом как теории языкового воздействия на аудиторию, описывающей процедуру порождения ментальных актов и инструментарий анализа речевой коммуникации; в философском как метода познания действительности и выявления критериев разумности совершаемых действий. При этом непосредственным предметом такой риторики становится речь, связанная с общественной практикой; эта связь выступает основой для построения общей теории коммуникативной деятельности, объектом которой является взаимозависимость между речью и ее дискурсивным функционированием, успех которого есть условие совместной осмысленной деятельности.

С другой стороны, сама современная филология характеризуется очевидной экспансией по отношению к самым разнообразным научным отраслям, лишь бы такая эксплицитность оказалась полезной для наблюдения и объяснения непосредственного её предмета — языка и текста. Модная ныне антропология пронизывает практически все филологические дисциплины, которые закономерно сближаются с другими науками, поскольку их интересует тот же человеческий фактор. В таких условиях происходит накопление и интеграция знания, в результате которых риторика иногда низводится до нормативно-стилистического учения и третируется как чисто учебная дисциплина, не имеющая серьезных научных оснований.

Как известно, еще в Античности риторика осуществляла претензию на универсальную модель обработки информации, касающейся, без сомнения, важнейшей и обширнейшей сферы жизнедеятельности — (вербальной) коммуникации. В процессе риторизации, в первую очередь, политической практики античного полиса речь выступает не только в роле декоративного элемента политической деятельности, но и является необходимым средством коммуникации. На это указывает триединый принцип софистической риторики: красиво говори, правильно обсуждай, эффективно действуй. Правда, этот принцип, не всегда верно истолковывается в исследованиях истории риторики и языкознания. Красноречием считается такое обсуждение, которое приводит к успешной деятельности. Обучение успешному речевому поступку в общественных и частных делах и составляет очевидную цель софистического образования, нацеленного на обеспечение публичного совещания. От успеха последнего и зависит течение жизни всего полиса. Другими словами, софисты преподают, не более и не менее, как уроки политической добродетели. В контексте нашего обсуждения сопряженности риторики и филологии можно говорить о злободневной проблеме воспитания гражданина, какая здесь роль принадлежит обеим дисциплинам. Но здесь мы об этом только заявим.

Из истории развития науки мы знаем, что вплоть до середины 20 века риторика оставалась забытой, главной наследницей её стала лингвистика, в отечественной филологии — теория словесности, которая, однако, не выделила риторику в самостоятельный отдел. Современная риторика вряд ли может смириться с такой ролью. Это ставит вопрос о взаимоотношениях современной филологии и риторики, решение которого имеет значение и для риторики и для филологии.

В чем может заключаться посягательства филологического на риторическое? Безусловно, за филологией стоит традиция: в российской дидактике естественным путём происходила филологизация риторики, первые российские учебники риторики уделяли повышенное внимание внешней стороне речи — её украшенности и изящности, поэтому появление русского термина «красноречие» вместо термина «риторика» вполне понятно. Античная же риторика, как мы отмечали, искала не только способы красноречия, а пути достижения

необходимого влияния риторика на аудиторию, при этом нужно отметить, что красота слога, как правило, этому способствовала.

Как справедливо замечает Ю.В.Варзонин: «Объяснение этому феномену лежит не в самой речи, а вне неё — здесь проявляется специфика места и времени, т.е. античного мировоззрения и образа жизни. Образование в России в 18 — начале 19 веков строилось с ориентацией на то, что риторика выполняла функции теоретической основы филологического цикла наряду с логикой. Практическим аспектом его было сопоставительное обучение языкам (классическим: греческому, латинскому, старославянскому; новым: французскому, русскому)» [1].

Возникшая из риторики в 19 веке теория словесности во многом ее поглощает. Складывается понимание произведений словесности как произведений художественной литературы, анализ речи был приравнен к анализу литературного текста, в 20-е гг. 20 в. курс словесности исчезает из образовательных программ, а его преемниками становятся курсы литературы и родного языка (см [2]).

Ориентация на художественно-литературный текст в изучении русского языка остается незыблемым правилом и до сего дня, а филологические дисциплины современной школы сохраняют незначительное количество элементов традиционной риторики, в высшей же школе риторика присутствует незначительно и, как правило, в виде «Культуры речи» филологического курса по своей сути. Факт филологизации риторики очевиден, однако это впечатление еще больше усиливается, когда мы начинаем знакомиться с современными учебниками риторики.

Всплеск интереса к риторике в конце прошлого века, появление специализированного журнала «Риторика» и новых учебников, казалось бы, должен соответствовать общеевропейскому тренду в понимании риторики как теории эффективной языковой коммуникации. На практике в это время появляются в основном учебники риторики, которые выглядят как учебники языкознания, но современные риторики такими быть не должны. К сожалению, издаваемые даже в последние годы учебники риторики носят однозначно филологический характер, Ю.В.Варзонин обращает внимание на то, что в содержании учебника Ю.С.Маслова «Введение в языкознание» находятся многочисленные сходства с учебниками С.А.Михайличенко, Н.Н.Кохтева, М.Р.Львова (все под названием «Риторика») [1]. Такие учебники способны принести пользу преимущественно только лишь в силу отсталости филологических учебных курсов.

В Европе в это время на волне популярности риторики появляется множество адресных учебников риторики, которые предлагают на продажу «технику речи» как средство управления, которое можно усвоить и обучиться, реанимируются функция красноречия в управлении экономикой, кадрами, политикой, армией и т.д. «Слово является самым действенным средством в руководстве людьми. В этой книге показывается, как Вы можете овладеть именно этим инструментом и использовать его в своей профессии» [3] — типичная реклама в риторических пособиях такого рода. Такого рода социально-психологическое экспериментирование приводит к выводу, что применение практических техник демократического руководства в промышленных условиях ведет к чрезвычайному повышению групповой активности, и к выводу о нецелесообразности традиционного, авторитарного стиля руководства и замены его мотивирующим, персуазивным стилем, увеличивающим коммуникативную кооперацию. Возникшие программы гуманизации рабочего места в рамках социальной практики требовали стратегического осмысления также в макроструктурном масштабе. «Риторика как социальная технология» и «универсальная техника» или «социальная техника гуманизма» становится одной из господствующих точек зрения на понимание современной риторики. Использование риторики в социально-техническом смысле остается скрытым, подобно эффекту от рационализации лингвистики в целях развития машинного языкового перевода и автоматической обработки информации в управлении и организации различных сторон человеческой жизни. «Науки, изучающие деятельность, начинают выдвигать техники по управлению социальным действием, сравни естествознанию и его техникам освоения природы. Они становятся производительным силам технической научной цивилизации, которая развивается на чистом фундаменте нейтрализованной истории в глобальном масштабе [4]», — так комментирует Ю.Хабермас засилье «символической техники» в современной эпохе.

А это значит, что заканчивается длительный период филологизации предмета риторики как в дидактике, так и в сфере теоретического знания, продолжавшийся, например, в российской дидактической традиции еще со времен Ломоносова. Вообще проблема осмысления риторики как пограничной с филологией дисциплиной сложнее, чем кажется на первый взгляд, речь идет не только о сложившейся традиции, но и о сложившемся в нашем сознании стереотипе, что эффективность коммуникации прямо зависит от языковых параметров грамотности, лексического богатства, стилистической изощренности, причем требуемый для этого уровень этих параметров почти всегда остается недостижимым.

Как известно, речь как объект филологии несет информацию о своем авторе, речь как объект риторики накладывает на автора определенные обязательства: строить ее эффективно, т.е. для филологии важен фактический результат, для риторики — его предвосхищение; у них разные требования к речи: лингвистический объем исчерпывается проблемой «что и как сказать», риторический: «что и как сказать, чтобы добиться необходимого эффекта» [1]. Из этого не следует, что риторика начинается только там, где сознание фиксирует необходимость поиска оптимального способа воздействия, на самом деле, такой поиск осуществляется всегда в силу естественных условий человеческой коммуникации. Степень эффективности может связываться с используемым набором языковых средств, а успех общения может и должен опираться на языковую норму и стилистическую обработанность, однако языковая безукоризненность не является гарантией

риторического успеха. Эффективность воздействия — критерий действительности риторики для филологии не приемлем. Эффективность речевого воздействия заставляет выйти за пределы языка и сконцентрировать внимание на «неязыковом» контексте, являющимся источником риторического успеха и неуспеха.

Задачи риторики шире задач филологии; с учётом этого обстоятельства следует фиксировать вспомогательный статус филологии для риторики. Способствовать эффективности общения — не задача филологии, но изначально присущее языку свойство, использование которого предполагает сложнейшую для человека операцию человека. От человека и социума зависит, окажется ли язык действенным, а человеческая практика свидетельствует, что знание о языке предполагается этой желаемой действительностью [5].

Таким образом, риторика ориентируется на современную коммуникативную личность, которая противопоставляется этическому идеалу классической риторической традиции, она должна формировать скорее судью, чем истца с его односторонностью, закрытостью для аргументов противника и занятостью их опровержением. В этом смысл ответственности и свободы в человеческих делах. Там, где нет ни возможности выбора, ни альтернативы, мы не осуществляем нашу свободу. Именно совещательность, отличает человека от автомата. Это обсуждение касается всего, что, в сущности, является творением человека, — ценностей и норм, которые он создал и которые позволяет выдвинуть дискуссия. Изучение приемов такой дискуссии может развить в человеке сознание интеллектуальной техники, которой пользуются все, кто вырабатывает его культуру.

Современная риторика трактуется как теория построения речи, воздействующей на адресата таким образом, что он совершает ментальные и реальные акты, соответствующие интенции адресата, и основывается на общей предпосылке: язык есть не только средство осознания действительности, но и средство ее изменения. Из этого следует, что риторика не только название и соответственно программа междисциплинарных исследований, которые имеют дело — в отличие от систематизации истории языка — с риторизацией языковой коммуникации в целом и филологии в частности. В этой альтернативе риторика выступает определенной и стимулированной историей ее развития методологией исследования проблем, благодаря которой различные занятые языком и знаком дисциплины удостоверяются в собственной научной истории и состоятельности. Таким образом, поместив риторику между социальной технологией и теорией общества, мы обнаруживаем, что риторика выступает не только руководством по организации эффективной коммуникации или теорией языкового воздействия на аудиторию, описывающей процедуру порождения персуазивных ментальных актов и инструментарий анализа речевой коммуникации, но и четко вырисовывается контуры философии риторики как метода познания действительности и выявления критериев разумности совершаемых действий.

1. Варзонин Ю.Н. Риторика и лингвистика [Электр. ресурс]. URL: <http://www.lingvolab.chat.ru/library/Varzonin2.htm> (дата обращения: 08.05.19).
2. Зарифьян И.А. Теория словесности // Риторика. 1995. № 1. С. 96-122.
3. Иванова С.Ф. Говори!.. Уроки развивающей риторики. М.: Школа-пресс, 1997. С. 14.
4. Habermas J. Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Frankfurt: Suhrkamp, 1971. S. 93.
5. Ходякова Л.А. Риторика в вузе и школе: теоретический и методический аспекты // Риторика. 1996. № 3. С. 157-160.

References

1. Varzonin Yu.N. Ritorika i lingvistika [Rhetoric and philology]. Available at: <http://www.lingvolab.chat.ru/library/Varzonin2.htm> (accessed: 08.05.19).
2. Zarifyan I.A. Teoriya slovesnosti [Rhetoric]. Ritorika, 1995, no. 1, pp. 96-122.
3. Ivanova S.F. Govori!.. Uroki razvivayushchey ritoriki [Speak!... Lessons of rhetoric]. Moscow, 1997, p. 14.
4. Habermas J. Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Frankfurt, Suhrkamp Publ., 1971, p. 93.
5. Khodyakova L.A. Ritorika v vuze i shkole: teoreticheskiy i metodicheskiy aspekty [Rhetoric]. Ritorika, 1996, no. 3, pp. 157-160.

Kashchey N.A. Rhetoric and Philology. The present report deals with the topical issues of modern humanities knowledge: rhetoric and philology subject fields' correlation and differentiation. Appeal to the dialogue of the two most ancient disciplines concerning language practice is due to the rhetoric revival on new social, theoretical and philosophical principles, as well as to its claim to be a research methodology not only for linguistics, but also for the humanities in general, and thus to be responsible for the modern communication and public consciousness development. The author takes a cautious stance that by placing the rhetoric between social technology and social theory, we can find that rhetoric not only serves as a guide to the effective communication or the theory of linguistic manipulation the audience, but also distinctively outlines the generic framing of rhetorical philosophy as a method of reality acquisition and revealing the criteria for the actions rationality, which in its turn opens up new opportunities for the rhetoric and philology interdisciplinary relationships.

Keywords: rhetoric, new rhetoric, philology, linguistics, philology theory, communication theory

Сведения об авторе. Николай Александрович Кащей — доктор философских наук, профессор; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; Гуманитарный институт; Nikolay.Kashchey@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.